

Существенные методологические ошибки, некритическое использование буржуазной литературы, недостаточно широкое и углубленное изучение ряда вопросов помешали автору разрешить поставленную им проблему—дать подлинно марксистское исследование теории Аристотеля о государстве и праве.

М. Узнова

А. А. ИЕССЕН, Греческая колонизация Северного Причерноморья.
Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1947, стр. 1—92+4 карты, ц. 9 р.

I

Вопросы, связанные с греческой колонизацией Северного Причерноморья, изучаются исторической наукой уже более 150 лет. При этом ведущая роль принадлежит здесь русским исследователям. Особый успех достигнут в этом деле советскими учеными, последовательно применившими марксистско-ленинский анализ к изучению источников по истории колоний и местных племен. Крайне расширился самый круг источников. Наряду с письменными памятниками, тщательному историческому анализу подверглись и вещественные, археологические памятники, игравшие в прошлом, в трудах даже наиболее крупных исследователей Причерноморья, второстепенную, иллюстративную роль.

Рецензируемая книга в известной мере является итогом всей работы, проделанной советскими историками и археологами. Автором внимательно анализируются сношения племен Северного Причерноморья с югом в III и в начале II тысячелетия до н. э., во II тысячелетии до н. э. и в начале I тысячелетия до н. э. Особо выделяется рассмотрение событий VII в. в истории причерноморских племен, сношения Причерноморья со странами юго-востока в VII—VI вв. и с греками в VII в. до н. э. Возникновение постоянных греческих поселений в Северном Причерноморье в VI в. рассматривается в тесном соотношении с теми изменениями, которые произошли в туземной среде, а после этого прослеживаются те изменения, которые внесли новые условия в греко-скифские отношения. С этой целью специальная глава посвящается автором импорту греческих изделий в причерноморские степи в VI в., выясняются основы расширения греческой колонизации в V в. и определяются ее последствия в V в., когда «по мере замены доколониальной торговли греческих купцов и мореходов постоянной торговой и производственной деятельностью греческих городов-колоний связи с греками получают все больший перевес над связями с юго-востоком» (стр. 90).

Основной вывод А. А. Иессена заключается в том, что нельзя рассматривать процесс греческой колонизации односторонне, только со стороны внутренних событий метрополии. Равную роль играли события из истории местного северо-причерноморского населения, определявшие время и географическое распространение колониционных процессов (стр. 81, 90).

Отстаивая такой вывод, автор, естественно, должен был проанализировать историю развития местного населения областей северного, северо-западного и северо-восточного Причерноморья и Приазовья. Эта задача была им выполнена с большой обстоятельностью и хронологической углубленностью. А. А. Иессен начинает свое повествование с III тысячелетия до н. э.

Целью этого многотысячелетнего экскурса является показ истории сношений древних племен Черноморья с южными центрами и выяснение результата этих сношений. Автор считает, что уже издавна можно говорить о двух направлениях связей племен Северного Причерноморья—кавказском и восточнобалканском. В результате первого направления связей складывается группа культур высокоразвитой бронзовой индустрии Северного Кавказа и Закавказья конца II—начала I тысячеле-

тия до н. э. Из этих культур особое значение для событий скифской истории имела так называемая кобанская культура.

Важнейшей особенностью этой группы культур является развитие их на основе тысячелетней связи Кавказа с древневосточными центрами. Истории этих связей, то достигавших Прикубанья, то ограничивавшихся только Закавказьем, то более близких к традициям Двуречья, то более родственных хеттам, Ассирии и Урарту, автор посвящает интереснейшие страницы.

Результатом другой цепи связей—через восточные Балканы каботажным морским путем вдоль западного берега Черного моря—явился, по мнению автора, другой мощный центр бронзовой культуры—в сравнительно небольшом районе, «на самом побережье Черного моря, от Днестра до Днепра, а также по нижнему течению Днестра, по берегу до района Первомайска и по Днепру до порогов» (стр. 27). Сношения между этими двумя центрами не отрицаются. А. А. Иессен даже специально останавливается на пути с Кубани через Тамань в Крым, а оттуда к низовьям Днепра, по которому проникали изделия кавказских бронзолитейных центров. Говорится и о возможности связей морским путем между черноморским югом и Крымом вдоль кавказского побережья.

К сожалению, в этой картине почти целиком опущены события в огромной области, будущей степной Скифии. Об этих районах автор говорит вскользь. Так, на странице 18, касаясь всего Северного Причерноморья в целом, А. А. Иессен замечает, что «II тысячелетие до н. э. в общих чертах являлось периодом спокойного, постепенного развития культуры». Дальше же, применительно к началу I тысячелетия, автор говорит, что «на правобережной Украине в этот период продолжают жить племена земледельцев и скотоводов, в то время как в областях к востоку от Днепра у пастушеских племен скотоводов, в результате развития патриархальной семейной собственности на скот и значительного роста стад, начинают создаваться предпосылки для перехода от оседлого к кочевому образу жизни» (стр. 25). Мне кажется, что А. А. Иессен, большой знаток южнорусского бронзового века, напрасно обошел вопросы культурного развития древнего населения пространств между Днестром и Волгой, сославшись на ничем не обоснованную якобы прямолинейность имевшего там место развития. В действительности, это развитие было сложно в этнографическом отношении—сошлюсь хотя бы на вопросы происхождения племен, оставивших нам катакомбы, и в экономическом: племена, оставившие нам срубную культуру (в общем значении этого определения), далеко не были однородны в хозяйственном отношении. Наличие же на востоке этого пространства причерноморских степей таких находок, как клад Сосновой Мазы и бронзы «Хвалыньских» погребений, заставляет сомневаться в правильности утверждения автора о бедности нашего степного юга металлическими изделиями. Мы располагаем дефектными данными—погребениями, в массе своей ограбленными. Но ведь их и грабили-то, конечно, из-за металла, которого было гораздо больше, чем можно предполагать по данным раскопок. Такие находки, как литейная форма вислобушного топора из Киевки близ Землянска, Воронежской области, обнаруженная в погребении срубного типа, это только подтверждает.

Мы остановились на этом месте книги А. А. Иессена потому, что отказ от рассмотрения фактов, касающихся культуры населения областей между Днестром и Волгой, сильно ослабляет возможности определения размеров и характера местного развития в культурах бронзового века нашего Юга. Помимо воли автора, создается впечатление, что бронзовая индустрия Восточной Европы представляла собой результат одних только сторонних воздействий. Между тем глубоко своеобразные черты многих бронзовых изделий литейщиков нашего Юга, наличие значительных центров бронзовой индустрии в лесной зоне, в Приуралье и в Поволжье заставляют более ограниченно трактовать вопрос о зависимости наших степных бронз от переднеазиатских и закавказских металлургических центров.

Перейдем теперь к следующему этапу, имеющему уже самое непосредственное касательство к основной проблеме исследования А. А. Иессена.

Автор совершенно правильно связывает южные походы скифов с глубочайшими

переменами в общественных отношениях степных племен, определяемыми их переходом на высшую ступень варварства. Положительное значение также имеет и то внимание, которое А. А. Иессен уделяет многочисленным случаям непосредственных соприкосновений скифов со странами Древнего Востока во время их проникновения через Кавказ в Переднюю Азию.

Бесспорно справедлив тот акцент, который вслед за Б. Б. Пиотровским делает автор на урартийских чертах в орнаментике архаических скифских изделий. Однако едва ли можно согласиться с А. А. Иессеном, когда он считает, что скифские вещи Келермесских курганов Северного Кавказа и столь сходные с ними из Мельгуновского кургана, раскопанного под Кировоградом, «изготовлены не в Причерноморье, а где-то на юге, скорее всего где-нибудь в пределах Урарту или недалеко от его границ, в мастерской, сложившейся на основе старой древневосточной традиции, но воспринимавшей и новые потребности и вкусы кочевников-степняков» (стр. 45). Раскопки в Закавказье, относящиеся к эпохе Урарту, достаточно полно характеризуют облик урартской индустрии и художественного ремесла. Они резко отличны от скифских образцов архаического Северного Кавказа и нижнего Поднепровья. Остается непонятным, почему мы должны отказывать скифским мастерам в способности, заимствуя отдельные южные мотивы, создавать уже в архаическое время собственные произведения высокого качества. Ведь найденные образцы так близки к художественному литью из золота и из бронзы, которое в других, не осложненных иноземной примесью произведениях автор соглашается оставить за мастерами-скифами Северного Кавказа. Или, может быть, на основании находки Б. Б. Пиотровским в сторожке Тейшебани (Кармир-Блур) костяной резной головки зверя, столь близкой к головкам, украшающим костяные псалии скифских удиц вплоть до Киевской области, весь скифский звериный орнамент придется считать урартским?

Здесь у А. А. Иессена тот же недостаток в объяснении, что и при изложении более древних событий. Умело и тонко разбирая указания на внешние связи Причерноморья с Югом, он меньшее внимание уделил закономерностям внутреннего культурного развития местного населения, и поэтому возникла некоторая диспропорция в экспозиции и оценке фактов.

Обратимся теперь к колониальному периоду в жизни греческих городов. А. А. Иессен, несомненно, прав в том, что уровень развития местного населения необходимо принимать во внимание при решении вопросов ранней истории колонизации. Однако при этом осталась непреодоленной одна старая ошибочная традиция антиковедения. Греки изображаются А. А. Иессеном только в качестве носителей культуры и прогрессивных (для того времени) начал рабовладельческого общества. Тем самым они превращаются у автора в услужливых помощников скифского развития. Стоило племенам, жившим между Днестром и Днепром, достигнуть определенного уровня развития, как возникает станция на Березани, а потом и Ольвия. Скифы предоставляют свои городища пришельцам, охотно сами переселяются в новые города и только никак не могут отвыкнуть хоронить своих покойников в скорченном виде.

Между тем так ли идиличны были сношения греков с местным населением? Показательно, что в тех случаях, когда более ясен местный материал, идилия исчезает. Развитие Тапаиса сопровождалось вытеснением или «поглощением» (т. е. обращением в неволю) местного населения низовьев Дона. А история Анахарсиса и Скила является прямым указанием на отсутствие в древнейшие времена этой идилической общности. Греки шли туда, где общественное устройство местного населения делало возможным установление торговых взаимоотношений, но они устанавливали эти взаимоотношения отнюдь не идилическим путем. Захват, подкуп, подпаивание, измена (как в случае с изменой скифам ионян, стороживших мост, чтобы не пропустить Дария) были их методами. Что касается мирного сожительства эллинов со скифами и таврами в севернопричерноморских городах, утверждаемого, главным образом, на основании наличия скорченных покойников в древнейших некрополях Ольвии, Пантикапея и Херсонеса, то оно еще должно быть тщательно проверено. Прежде всего немалый процент скорченных покойников имеется и в греческих некрополях метро-

полии. Если даже и будет доказано скифское происхождение скорченных, нужно еще выяснить положение, которое занимали в причерноморских городах хоронившиеся скорченно. Обращается также внимание на грубую посуду, находившуюся в большом числе в колониях. Однако не меньшее число грубых обломков находится и при раскопках в метрополии. Что же касается обломков посуды скифского типа, то в древнейших слоях она может принадлежать тому населению, которое было вытеснено или подчинено пришельцами-греками. То обстоятельство, что Ольвия была основана на месте скифского укрепления, может свидетельствовать вовсе не о мирном сожителстве, а о насильственном захвате. Отмечая все это, я вовсе не хочу отрицать общеизвестных фактов об эллинах-скифах V—IV вв. Они—результат длительного греческого проникновения в Скифию и ускорения распада у скифов старых общественных и хозяйственных форм. Но почему принято умалчивать, что спутником этого проникновения явилась эксплуатация местного населения греческими скупщиками или их посредниками—знатными скифами? Греки-культуртрегеры—с этим пережитком буржуазной науки следует покончить путем всестороннего освещения проблемы греческой колонизации в Северном Причерноморье.

Я остановился на этом вопросе в истории греческой колонизации потому, что именно здесь еще слишком мало сделано нашим советским антиковедением. Несомненная заслуга автора рецензируемой книги в том, что его исследование делает такую работу первоочередной.

Что касается других сторон проблемы, то очень много нового внесено в их освещение рецензируемым исследованием. Повидимому, нужно согласиться с А. А. Исесеном относительно более позднего развития Боспора по сравнению с днепро-днестровским побережьем и отрицательно отнестись к гипотезе о высокообразованном киммерийском центре на Боспоре. Думаю только, что нет у нас еще достаточного количества находок, чтобы утверждать уже сейчас «культурную отсталость» Керченско-Таманского района до VII в. по сравнению со степным Крымом. Особое внимание привлекает к себе глава книги А. А. Исесена об импорте греческих изделий в причерноморские степи в VI в. Тщательность анализа позволила автору прийти к ряду остроумных выводов, из которых особого внимания заслуживают выводы о направлении кочёвок скифов, местонахождении их летних и зимних стоянок и локализации мест находок «в предположительных районах постоянного обитания (или зимовок) местных племен» (стр. 74).

Несомненной заслугой автора является детальное выявление тех особенностей, которые позволяют выделить второй период истории колонизации—период «превращения торговых колоний в производственно-торговые центры», когда греческие города «стали органической частью культурного комплекса Северного Причерноморья» (стр. 87). Нам остается только пожелать, чтобы и здесь исследователями культуры Северного Причерноморья, увлеченными изучением «исторического процесса слияния культуры греческой и местной», не упускались важнейшие политические результаты этого «слияния», приведшие к острой классовой борьбе на Боспоре, столь глубоко вскрытой в этюдах покойного академика С. А. Жебелева.

Закачивая на этом свои замечания о книге А. А. Исесена, я должен отметить, что они вызваны прежде всего той широтой постановки вопроса и той глубиной анализа явлений и источников, которые делают рецензируемое исследование значительным произведением нашей науки о древнейших судьбах населения Причерноморья. Его прекрасно дополняют приложенные автором карты, наглядно обосновывающие важнейшие положения книги. Несмотря на свои небольшие размеры, она является образцом исследования, всегда подкрепленного тщательно проверенными источниками, и, несомненно, послужит важной ступенью на том пути, которым идет наше советское археологическое антиковедение, неотъемлемая часть истории народов СССР.